

В. М. ЖИВОВ, Б. А. УСПЕНСКИЙ

ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ В ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ
ЯЗЫКОВЫХ УНИВЕРСАЛИЙ

0. Выделение центра и периферии может быть в принципе связано с универсальными закономерностями целым рядом способов. Это противопоставление есть вообще универсальный принцип организации языка (что так или иначе отражается во всех описаниях языков). Оно может быть перенесено и на речевую деятельность в целом постольку, поскольку можно говорить о иерархически различных ее типах.

Описывая язык, лингвист всегда молчаливо предполагает н о р м а л ь н у ю речевую деятельность, из которой он извлекает свое описание (не опираясь в своем описании, к примеру, на певческую речь или поэтический язык), и ориентируется прежде всего на т и п и ч н ы е с его точки зрения элементы языка. Так, например, формулируя какое-то правило, он обычно отвлекается от его нарушений в таких классах, которые он не считает типичными, например, от междометий и заимствованных слов; более того, как будет видно из дальнейшего, в лингвистическом описании может даже игнорироваться и специфика местоимений, императивов и т. д. (т. е. таких форм, которые непременно учитываются описанием любого языка).

Характерно, что лингвисты, уделяющие специальное внимание разного рода нарушениям постулируемых ими закономерностей, как правило, фиксируют исключения случайного характера и проходят мимо неслучайных нарушений.

Следует подчеркнуть, что речь идет не о каких-либо недочетах и промотрах лингвистического описания, а о его принципиальной стратегии (сознательной или бессознательной). Основная проблема лингвистического описания — обнаружить принципиальную модель (pattern) языка, его структурную схему, представляющую разнородные языковые факты как системные. Для того чтобы обнаружить такую модель, и необходимо отвлечься от целого ряда явлений — как текста, так и самой системы. К таким явлениям относятся, в частности, явления периферии. Иначе говоря, периферийные явления могут выступать как системные по отношению к центру (ядерной модели языка), но если не учитывать их иерархического места в общей системе языка, описание предстанет как хаотическое.

1. Лингвист часто игнорирует и, видимо, считает периферийными следующие явления:

1.1. Речевую деятельность, связанную с необычной речевой ситуацией. Эта необычность может быть обусловлена специфическим способом речеобразования (ср. пение, шепот, крик). Она может быть связана с особенностями отправителя сообщения (например, речь иностранца или носителя локального диалекта, старающегося говорить на литературном языке, речь заики, ребенка и т. д.), или с особенностями получателя сообщения (ср. разговор с детьми, животными, коверканье родной речи в беседе с иностранцем, поэтическую, ритуальную, актерскую речь,

и т. д.). Типы необычной речевой ситуации этим, видимо, не исчерпываются. Можно предполагать, что нарушение закономерностей нормальной речевой деятельности в ситуациях этого рода универсальны. Однако этого рода нарушения весьма мало описаны, и в основном известны нам из собственного языкового опыта либо из отдельных, никогда не систематизированных заметок и наблюдений других лингвистов.

1.2. Элементы, которые лингвист, реконструируя языковое сознание носителя языка, относит к другой языковой системе, сосуществующей с основной. Сюда относятся заимствования, междометия, оноματοпоэтические образования, идеофоны (которые, видимо, можно понимать как регулярно оформленные классы звукоподражательных и звукоизобразительных образований), детские слова (*nursery words*). Так, например, говоря о редукции гласных в безударном положении в русском языке, лингвист исключает эти классы (ср. безударное передударное /o/ в словах *портшез, ого!*). Или, утверждая, что в бурятском невозможно /s/ в *Auslaut'e*, лингвист отвлекается от звукоподражательных и звукоизобразительных слов и заимствований¹. Подобно этому, устанавливая законы распределения ударения в языке акома, лингвист вынужден отстраняться от заимствований и детских слов².

1.3. Элементы, выполняющие особые функции в процессе коммуникации или с точки зрения этого процесса. Особая функция в процессе коммуникации может быть обусловлена специальной ориентацией на того или другого участника данного процесса: экспрессивные элементы — ориентацией на говорящего, аппеллятивные — ориентацией на слушающего³. Сюда относится эмоциональная лексика, вокативы, императивы, приветствия, обращения и т. п. Примеры аномалий см. ниже, § 4.2.

Когда мы говорим об элементах, выполняющих особую функцию с точки зрения процесса коммуникации, мы имеем в виду классификацию Р. О. Якобсона, предложенную в его работе «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол». По словам Якобсона, «И сообщение (M) (англ. *message*), и стоящий за ним код (C) (англ. *code*) являются орудиями речевой коммуникации, однако и сообщение и код способны выполнять двойную роль, выступая в качестве не только орудия, но и объекта речи (= того, о чем говорится). Так, с одной стороны, содержание сообщения может относиться к коду или к другому сообщению, а с другой стороны, значение элемента кода может содержать ссылку (*genvoi*) на код или на сообщение. В связи с этим возможны следующие четыре случая „двойной ориентации“: 1) два случая „рефлексивности“ — сообщение, направленное на сообщение (M/M), и код, направленный на код (C/C); 2) два случая „перекрестности“ — сообщение, направленное на код (M/C), и код, направленный на сообщение (C/M)»⁴.

По этому критерию к периферийным классам отходят различные шифтеры (прежде всего личные местоимения), собственные имена, формы, вводящие цитируемую речь, и т. д. Аномалии собственных имен хоро-

¹ Л. Ш. Шагдаров, Изобразительные слова в современном бурятском языке, Улан-Удэ, 1962, стр. 53.

² W. R. Miller, *Acoma grammar and texts*, «University of California publications in linguistics», 40, 1965, стр. 9.

³ См.: K. Bühler, *Sprachtheorie*, Jena, 1934; A. В. Исаченко. О призывной функции языка, «Recueil linguistique de Bratislava», 1, 1948.

⁴ R. Jakobson, *Shifters, verbal categories and the Russian verb*, Harvard University, 1957, стр. 1. Русский перевод в сб. «Принципы типологического анализа языков различного строя» (М., 1972, стр. 95).

по известны. Менее известны звуковые аномалии шифтеров; поэтому на шифтерах мы остановимся особо⁵.

1.3.1. Прежде всего можно указать на очень характерные фонетические аномалии, наблюдаемые в личных местоимениях. Так, говоря о том, что в немецком перед паузой не может быть кратких гласных, кроме /ə/, лингвист отвлекается от личных местоимений (и ряда междометий); без учета личных местоимений такого же рода закономерность постулируется и для литературного арабского. В языке бариба ряд личных местоимений отмечен гласными /a, i, u/ в начале слова, что, вне местоимений, наблюдается только в заимствованиях; точно такое же соотношение находим и в языке мандинка (Гамбия)⁶. В языке фуль в ряде личных и притяжательных местоимений нарушается закономерность, по которой за словами, кончающимися на /l, m, n/, перед паузой следует гортанная смычка⁷. В языке сонгаи «только местоимения являются односложными словами, состоящими из одной гласной или начинающимися с гласной: *ay* „я“, *a* „он“, *i* „они“, *ir* „мы“ (сокращенная форма)»⁸.

Ряд аномалий обнаруживаем и в указательных местоимениях. Так, в русском в местоимениях *этот, это, эта, эти* находим /e/ в начальной позиции в слове (вне местоимений /e/ встречается в этой позиции только в заимствованиях и междометиях, что само по себе уже весьма характерно).

В языке кикуйю находим в указательных местоимениях необычные сочетания гласных (гетеросиллабические) /au, ou, eu/⁹.

Следует подчеркнуть, что аномальными бывают не только местоимения, но и другие шифтеры. Так, например, в белуджском языке ударение, как правило, падает на последний слог, что нарушается в ряде наречий (наречий места, определяющих положение предмета по отношению к пространственной позиции говорящего), например, *éda* «здесь», *ádān*, *óda*, *ódān*, *amóđān*, *amádān* «там»¹⁰.

2. Возвращаясь к нашей классификации, можно сказать, что периферия, связанная с речевой деятельностью (§ 1.1)— это п е р и ф е р и я р е ч и (parole), тогда как периферия других типов (§ 1.2 и 1.3)— п е р и ф е р и я я з ы к а (langue).

В ближайших параграфах (§ 2 и § 3) мы будем говорить исключительно о периферии я з ы к а. Стратегия лингвистического описания и, в частности, рассмотрение одних явлений как центральных, а других как периферийных, по существу основывается на сформулированном или несформулированном типологическом опыте лингвиста. Этот опыт предполагает различение центра и периферии как следствие представления об упорядоченности естественного языка. Хорошо известно, что в естественных языках, вообще говоря, почти не наблюдается закономерностей с абсолютной сферой действия. Однако сами нарушения закономерностей могут быть разного рода; при т и п о л о г и ч е с к о м рассмотрении разно-

⁵ Говоря о шифтерах, мы здесь имеем в виду исключительно специальные «шифтерные» слова, оставляя в стороне морфемную реализацию «шифтерных» грамматических категорий, см. об этом ограничении ниже (§ 2).

⁶ W. E. Welmers, Notes on the structure of Bariba, «Language», 28, 1952, стр. 85, 102—103; E. C. Rowland s, A grammar of Gambian Mandinka, London, 1959 стр. 14.

⁷ D. W. Arnot t, Fula, «Twelve Nigerian languages», ed. by E. Dunstan, New York, 1969.

⁸ R. P. A. Prost, La langue Soñay et ses dialectes, Dakar, 1956, стр. 34.

⁹ L. E. Armstrong, The phonetic and tonal structure of Kikuyu, London, 1940, стр. 24.

¹⁰ В. С. Расторгуева, Белуджский язык, «Языки народов СССР», I, М., 1966, стр. 323.

образных исключений может оказаться, что в определенных условиях те или иные нарушения встречаются относительно регулярно. Регулярность подобных нарушений побуждает нас искать для них некоторого содержательного обоснования. Представляется возможным выделить содержательные признаки, характеризующие классы слов, в которых типологически регулярно наблюдаются аномалии, и определить периферию языка через эти признаки.

Так, по признаку принадлежности к другой системе (§ 1.2), выделяются заимствования, междометия, ономатопоэтические образования, идеофоны, детские слова; по признаку апеллятивности (§ 1.3) выделяются вокативы, императивы, приветствия и т. п.; по признаку семиотической функции (нарушение нормального отношения между языковым элементом, сообщением и кодом) выделяются личные и указательные местоимения и другие «шифтерные» слова, собственные имена (§ 1.3). Соответственно, периферию, рассмотренную в § 1.2, можно назвать *внесистемной*, а периферию, рассмотренную в § 1.3, — *системной*.

Противопоставление центра и периферии не связано с определенным уровнем языка, т. е. в принципе на разных языковых уровнях могут быть найдены периферийные элементы. В дальнейшем мы ограничимся рассмотрением классов слов (словоформ), как лексических, так и грамматических, выделяемых по какому-либо аномальному признаку. В свою очередь признаки аномальности, позволяющие определить те или иные классы элементов как периферийные, также могут относиться к разным языковым уровням. Так, наряду с легко наблюдаемой фонетической аномальностью, мыслима и аномальность грамматическая (например, нарушение нормального порядка следования грамматических элементов). В принципе это же может относиться и к другим уровням; при этом очевидно, что чем выше уровень, тем менее ясным по существу становится понятие закономерности и, соответственно, ее нарушения. Поэтому в настоящей работе мы ограничимся рассмотрением только фонетических признаков периферийных классов как наиболее наглядных и показательных.

2.1. Если рассматривать именно периферию языка (а не речи), то можно, как это видно из приведенных выше примеров, констатировать общую тенденцию, выражающуюся в том, что в классах периферийных элементов обнаруживаются аномальные структуры, т. е. здесь не выполняются закономерности, присущие центру языка. При ближайшем рассмотрении оказывается, что, если для системной периферии языка эта тенденция может быть характерной в большей или меньшей степени, то для внесистемной периферии реализация этой тенденции обязательна. Эта обязательность не распространяется на все элементы периферийного класса, но предполагает непременно присутствие аномального элемента в классе в целом. Поэтому универсалии, которые можно сформулировать в этой связи, имеют следующий вид: для любого языка в таком-то классе существует элемент, обладающий формальной аномальностью. Можно предположить, что к таким классам относятся междометия и детские слова (имеем в виду прежде всего фонетические нарушения, ср. аномальные группы согласных, например, в русском языке в междометиях *тш!*, *эм!*, *тпру!*, в детских словах — *тпруа* «гулять»).

С другой стороны, правомерны следующие выводы универсального характера. Если определенный класс с большой вероятностью обнаруживает по разным языкам формальные аномалии, то этот класс периферийен (в одном из указанных выше смыслов). Если же аномальные явления в данном классе универсальны, то этот класс относится к внесистемной языковой периферии. Связь периферийности с аномальностью особенно очевид-

на в случае перехода ядерных слов в периферийные элементы, например междометия, когда в результате такого перехода форма приобретает аномальность. Ср. аномальные стыки согласных *mi!* из *miše* в русском, немецкое *farraftk'n (Gott)!* «wahrhaftigen»; ср. еще чешское *měč* — императивное междометие от глагола *měčēt* «молчать» — с аномальными эмфатическими *m* и *č*¹¹. Напротив, при обратном переходе периферийных элементов в ядерные форма теряет аномальность. Ср. чешские глаголы *činkat*, *bimbat* от соответствующих междометий *čink!*, *bim-bam!* Если междометия фонетически аномальны (эмфатические начальные согласные, назализованные гласные), то при произнесении глаголов выполняются закономерности фонетической системы центра¹² (ср. еще междометные этимологии, предложенные И. Коржинком для слов *nes*, *sova* и т. д.¹³, которые, будучи в настоящее время совершенно нормальными словами, восходят к фонетически аномальным междометиям). Примеры можно было бы умножить, но вряд ли в этом есть необходимость, поскольку каждый с легкостью обнаружит их, взяв этимологический словарь своего родного языка и найдя вполне фонетически нормальные слова, которым приписана ономапоэтическая или междометная этимология.

3. В своем отталкивании от центра языка, языковая периферия сама по себе образует определенную систему. Системность периферии может проявляться в двух разных аспектах.

3.1. С одной стороны, аномальность периферии проявляется именно в отношении к центру: можно сказать, что периферия организует себя как зеркальное отражение центра. Так, севернорусские и южнорусские диалекты противопоставлены друг другу по наличию взрывного /g/ или фрикативного /ɣ/. Замечательно, что в диалектах с /g/ взрывным мы имеем отмеждометные образования с /ɣ/ фрикативным, например, *ɣoɣočet*, а в диалектах с /ɣ/ фрикативным отмеждометные формы с /g/ взрывным, например, *gogočet*¹⁴.

В этом плане организацию периферии можно понимать как чистую «инаковость» по отношению к центру языка. При этом замечаем, что сколь бы второстепенны для центра ни были те или иные фонологические закономерности, они тем ни менее могут быть использованы для организации периферии как «иной системы». Так, в язьвинском диалекте языка коми отсутствует фонема /v/ в конце слога (сохраняется этимологическое /l/, в других диалектах перешедшее в /v/, что доказывает системность этого ограничения). Эта весьма частная закономерность нарушается в звукоподражательных словах, например, *n'avge kan'* «мяукает кошка» (нарушается она и в заимствованиях из русского языка)¹⁵.

«Инаковость» организации периферийных классов обуславливает, между прочим, значение периферии для описания языка (в особенности фонологии). Говоря о том или ином явлении (прежде всего в сочетании или позиционном распределении фонем), мы весьма часто не знаем, трактовать ли его как закономерность или как случайность, определяемую ограниченностью исходного материала описания. Так, в ряде случаев утверждая, что данный язык не допускает начальных стечений согласных, мы утверждаем лишь то, что в словаре этого языка, находившемся в нашем распоряжении, не встретилось слов с подобными стыками. Периферия в ряде случаев позволяет нам убедиться, что фиксируемая нами законо-

¹¹ J. M. K o ř í n e k, *Studie z oblasti onomatopoeje*, Praha, 1934, стр. 30.

¹² Там же, стр. 39.

¹³ Там же, стр. 22, 137.

¹⁴ «Русская диалектология», под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, М., 1964, стр. 72—73.

¹⁵ В. И. Лыткин, *Коми-язьвинский диалект*, М., 1961, стр. 37.

мерность принадлежит не нашему описанию, но действительно присуща описываемому объекту. Так, для приведенного примера свидетельством такого рода может служить тот факт, что при ассимиляции заимствований начальные стыки подвергаются преобразованию, а те слова, в которых эти стыки сохраняются, относятся либо к неассимилированным заимствованиям (осознаваемым носителями языка в этом своем качестве), либо к иным периферийным классам¹⁶. Пример этот чрезвычайно схематичен, тем не менее, ситуации такого рода наблюдаются часто, например, в вепском, ижорском, водском, кетском, тамильском и других языках, в которых стыки согласных встречаются в непереоформленных заимствованиях (либо в ономатопоэтической лексике и междометиях).

3.2. С другой стороны, некоторые аномальные явления характеризуют всю периферию данного языка в целом или во всяком случае одновременно несколько периферийных классов, давая нам возможность рассматривать собственно периферийные элементы безотносительно к центру. Такого рода явления уже несколько раз отмечались выше, когда мы, говоря об аномалиях определенного класса, попутно указывали наличие подобной же аномалии в другом классе. Так, в русском начальное /e/ свойственно, с одной стороны, указательным местоимениям, с другой же — заимствованным словам и, наконец, междометиям. В тайском четвертый тон в слогах определенной структуры появляется только в периферийных классах, объединяя такие лексические группы, как ономатопои, звукоизобразительные слова, экспрессивные междометия, слова, выражающие степень интенсивности явления и, наконец, заимствования из китайского и английского¹⁷. В одном из суданских языков, нгбака, ряд фонем в интервокальной позиции встречается (внутри морфемы) в заимствованиях х и в ономатопоэтических образованиях¹⁸. В юкагирском в начале слова звонкие смычные наблюдаются в заимствованных словах и именах собственных, в ядерной же лексике они в этой позиции невозможны¹⁹. В украинском говоре села Ладомирова *щ*, *ж* невозможны перед непередними гласными, что нарушается в вокативах и собственных именах²⁰. В языке *фуль* ряд фонем в конечной позиции встречается только в императивах,

¹⁶ Особенно показательны в этом отношении случаи гиперкоррекции. Ср., например, оформление заимствованных слов, не аномальных по своей структуре для заимствующего языка, при помощи аномальных средств. Так, например, в русском просторечии употребляются формы *крант*, *плант*, *резонт*, *экзамент* (соответствующие литературным формам *кран*, *план*, *резон*, *экзамен*), в которых на месте исконного /н/ стоит /нт/. Хотя конечное сочетание /нт/ обычно в русском языке для заимствованной лексики, в собственно русских словах оно не встречается. Таким образом, мы наблюдаем здесь оформление периферийных (по содержанию или происхождению) элементов с помощью формальных средств, характеризующих периферию языка и не характерных для языкового центра. Этот факт дает нам возможность, говоря о запрещенности в русском сочетании /нт/ в конечной позиции, полагать, что это правило принадлежит не только нашему описанию, но относится к самой реальности языка.

¹⁷ См.: E. J. H e n d e r s o n, The phonology of loanwords in some South-East Asian languages, «Transactions of the Philological Society», 1951, стр. 141—142. Заметим, что в случае английских заимствований эта их аномалия может восприниматься как «сознательное» оформление периферийных элементов при помощи средств периферийной организации, так как трудно предположить, что аномальность тона здесь может быть связана с произношением языка-источника.

В заключении своего исследования фонологии заимствований в ряде языков Юго-Восточной Азии Э. Гендерсон приходит к выводу, что «слова, ощущаемые говорящим как относящиеся к особому типу, отмечены особыми просодическими моделями». К этим словам относятся «а) восклицания (exclamations) и восклицательные выражения (exclamatory expressions), включая некоторые частицы, б) звукоизобразительные и звукоподражательные слова, в) заимствования» (там же, стр. 156).

¹⁸ J. M. C., T h o m a s, Le parler Ngbaka de Bokanga, Paris — La Haye, 1963, стр. 37—38.

¹⁹ Е. А. К р е й н о в и ч, Юкагирский язык, М., 1958, стр. 12.

²⁰ А. В. И с а ч е н к о, указ соч., стр. 52.

в некоторых наречиях и в идеофонах²¹. В мистекском языке /p/ в начальной позиции встречается только в звукоизобразительных словах и заимствованиях²². В языке варао законы ударения нарушаются в ономапоэтических образованиях, заимствованиях и вокативах²³. В языке кикуйю необычные сочетания гласных /eu, au, ou/, которые, как мы отмечали выше, характеризуют указательные местоимения, наблюдаются еще в таких шифтерах, как *rei* «сейчас», *karai* «высоко вверху», а также в именах собственных (например, *Kamai*²⁴). В карибском сочетании /ti/ отмечено только в заимствованиях и в слове (частице) *ti:ro* «говорят» — слово, вводящее цитируемую речь (§ 1.3)²⁵. В языке иджо (колокума) закрытые слоги встречаются только в заимствованиях, идеофонах и междометиях²⁶. В языке биза начальные в слове гласные встречаются только в личных и вопросительных местоимениях, заимствованиях, междометиях и глаголе *o* с первичным значением «говорить» (также и в глаголе *aa* «идти», функции которого не совсем ясны)²⁷. Определенную аномальность ударения в арауканском языке мы находим в ряде наречий, местоимений и предлогов, например /inčé/ «я», /eumí/ «ты», /wuyá/ «вчера», /fewlá/ «теперь»²⁸.

Все эти примеры позволяют нам предположить существование особых средств организации периферийных элементов, распространяющих свое действие на всю периферию языка. Соответственно можно предположить влияние свойств периферийной системы на элементы, поступающие в периферийные классы, и предложить следующие (гипотетические) универсалии: **В заимствованных словах сохраняются формальные аномалии только тех типов, которые наличествуют в других периферийных классах языка. Если при переходе непериферийного элемента в периферийный возникает некоторая аномалия, то аномалии этого типа уже имеются на периферии данного языка.**

Итак, периферийные элементы могут выступать как самостоятельная система в языке, характеризуясь специфическими явлениями, аномальными по отношению к центру, но объединяющими различные периферийные классы.

4. Наряду с формальными связями, которые существуют между разными классами периферии языка, существуют и формальные связи между периферией языка и периферией речи. Трудности анализа этих связей в значительной степени обусловлены (как и в случае иных периферийных явлений) неполнотой и непоследовательностью описаний в отношении этой области. Ряд связей, однако, совершенно очевиден.

4.1. Так, не вызывает сомнений связь между детскими словами (периферия языка) и разговором с детьми (периферия речи, которая в свою очередь связана с детской речью, детскую же речь можно понимать как иную языковую систему). Детские слова могут рассматриваться как

²¹ D. W. Arnett, указ. соч.

²² T. Kaufman, [рец. на кн.:] A. Dyk, B. Stroudt, Vocabulario Mixteco de San Miguel el Grande, IJAL, 37, 1967, стр. 257—258.

²³ H. A. Osborn, Warao I: Phonology and morphophonemics, IJAL, 32, 1966, стр. 115.

²⁴ L. E. Armstrong, указ. соч., стр. 24.

²⁵ B. J. Hoff, The Carib language, «Verhandelingen van het Koninklijk Instituut voor taal-, land- en volkenkunde», 55, 1968, стр. 64.

²⁶ K. Williamson, A grammar of the Kolokuma dialect of Ijò, Cambridge, 1969, стр. 20.

²⁷ P. Prost, La langue bisa. Grammaire et dictionnaire, «Études voltaïques», Ouagadougou, 1968 (данные извлечены из словаря, приведенного в книге).

²⁸ M. S. Echeverría, H. Contreras, Araucanian phonemics, IJAL, 31, 1965, стр. 134.

элементы разговора с детьми, включенные в языковую систему, поэтому естественно, что аномалии, представленные в этих случаях, характеризуются общностью.

Аномалии заимствований находят соответствие в разговоре с иностранцем (имеется в виду речь человека, не знающего иностранных языков и старающегося при помощи определенных звуковых преобразований сделать свой родной язык более доступным для понимания иностранца), поскольку можно полагать, что заимствования, сохраняемые данным языком, определяют представление об иностранной речи у носителя данного языка.

Звуковые особенности поэтической речи могут быть сопоставлены со звуковыми особенностями экспрессивной лексики, звуковых жестов и звукоподражаний. Пример такой связи мы можем найти в поэзии йоруба, в которой изменение тона в одной строке сравнительно с другой не варьирует значения, но служит для достижения «определенной эмфазы при помощи повторения одного и того же лексического элемента с контрастирующими тонами»²⁹.

Эта варьируемость тона в стихе сопоставляется с вариациями тона в редупликативных прилагательных, имеющих, видимо, экспрессивное значение³⁰, и, с другой стороны, напоминает вариации тона в идеофонах некоторых африканских языков, например, эве³¹.

Звуковые особенности экспрессивной лексики и оноματοпоэтических образований могут быть сопоставлены в свою очередь и с эмфатической речью. Те аномальные звуковые средства, которые характеризуют эмфатический поток речи в целом, могут наблюдаться и в отдельных языковых элементах, относящихся к периферии. Так, в тайском четвертый тон в словах определенной структуры (не относящихся к периферии) может быть употреблен как средство эмфатического выделения: в периферийных (экспрессивных и оноματοпоэтических) элементах языка этой же структуры четвертый тон может быть постоянным, обуславливая, таким образом, их формальную аномальность³². В языке рими сверхдолгота гласных характеризует ряд идеофонов, ряд междометий, и в то же время наблюдается в формальных приветствиях и ремарках в диалогах, где она свидетельствует о заинтересованности участника коммуникации в данной беседе³³. В русском литературном языке произношение [ɣ] фрикативного на месте [g] взрывного имеет место в словах церковного лексикона (*бла[ɣ]одать*, *бла[ɣ]ословение*), в заимствованиях (*[ɣ]абитус*, *бюст[ɣ]альтер*, *бу[ɣ]алтер*), в междометиях и звукоподражаниях. Как окказиональное эмфатическое средство [ɣ] характеризует и слова, не принадлежащие периферии, создавая такое явление, как экспрессивное «уаканье»³⁴. В связи с явлениями этого рода можно предположить существование следующей универсальной закономерности: **Если в оноματοпоэтических и экспрессивных формах языка имеются аномальные аллофоны каких-либо фо-**

²⁹ A. B a m g b o s e, Word play in Yoruba poetry, IJAL, 36, 1970, стр. 111.

³⁰ Там же.

³¹ A. A n s r e, The tonal structure of Ewe, Hartford, 1961, стр. 50—51.

³² E. H e n d e r s o n, указ. соч., стр. 141—142.

³³ H. S. O l s o n, The phonology and morphology of Rimi, Hartford, 1964, стр. 8.

³⁴ См.: А. А. Р е ф о р м а т с к и й, «[ɣ] ус'», сб. «Вопросы культуры речи», VII, 1966; В. Л. В о р о н ц о в а, Еще раз о произношении ɣус', «Развитие фонетики современного русского языка», М., 1971 г. Любопытную параллель к этому находим в языке нупе, в котором образованные носители языка, говорящие на хауса, употребляют в эмфатической речи заимствованный из хауса глухой велярный глоттализированный смычный вместо глухого велярного аспирированного смычного; см.: N. V. S m i t h, The phonology of Nupe, «Journal of African languages», VI, 2, 1967, стр. 154.

нем, то такого рода аллофоны имеются и в других элементах в эмфатической речи.

Между периферией речи и периферией языка могут существовать параллели менее очевидного характера. Так, например, в одном диалекте нубийского языка «эмфатическая тоновая модель часто наблюдается в отдельном произносимых (citation form) топонимах». Возможно, этой же тоновой моделью характеризуются императивы³⁵.

4.2. Рассмотрим еще один менее тривиальный случай связи языковой и речевой периферии. В аппеллятивных (периферийных) элементах языка (императивах, вокативах, вопросительных формах глагола, в вопросительных местоимениях и частицах, в приветственных словах и т. д.³⁶) довольно часто наблюдается аномальное ударение или аномальная тоновая структура, причем эта аномальность особенно часто бывает связана с последним слогом слова.

Аномальное конечное ударение в вокативе находим в чаплинском диалекте эскимосского языка (в алеутском императив, имеющий конечное ударение, противопоставляется большинству иных форм, хотя имеется и еще ряд слов с конечным ударением³⁷), в кетском, чукотском, лемковских говорах, в языках варао и пиро³⁸. В языке эве глаголы невысокого тона имеют в императиве низкий тон даже в тех случаях, в которых по правилам тонового распределения, релевантным для центра, следовало бы ожидать среднего тона³⁹. В языке иджо (нембе) императив характеризуется удвоением конечной гласной (что может трактоваться как явление, аналогичное квантитативному ударению) и добавлением конечного низкого тона⁴⁰. В бурятском императив и вокатив обнаружи-

³⁵ H. Bill, The tone system of Mahas Nubian, «Journal of African languages», VII, 1, 1968, стр. 29—30.

³⁶ О реальности объединения этих разных периферийных классов в одну группу может отчасти свидетельствовать ряд общих (внутри одного языка) явлений, свойственных этим классам в разных языках. Так, в языке марги существует особая форма для вокатива, императива и вопросительной частицы, употребляемая в том случае, если адресат сообщения находится на расстоянии от адресанта или в случае эмфазы. При этом окончание такой формы императива формально совпадает с подобной же формой вопросительной частицы; см.: C. Hoffmann, A grammar of the Margi language, London, 1963, § 95, 160—162, 271. В языке ломонго звательные формы образуются при помощи усечения последнего слога и удлинения гласного. Такое же усечение слога и удлинение гласного наблюдается в призывных восклицаниях, выражающих скорбь, ужас или изумление; см.: G. Hulstaert, Grammaire du Lômongo. Première partie. Phonologie, «Musée Royal de l'Afrique Centrale, Annales», Ser. in 8° — Sciences humaines — № 39, 1961 (Tervuren), стр. 151—152. В ногайском однородная аномалия ударения наблюдается в императиве и в вопросительных местоимениях (см. ниже). В кетском императив и вокатив объединены ударностью соответствующих показателей (см.: А. П. Дульзон, Очерки по грамматике кетского языка, Томск, 1964, стр. 55—56), в бурятском — аномальным конечным музыкальным ударением (см.: Т. А. Бертагеев, Бурятский язык, «Языки народов СССР», V, Л., 1968, стр. 16), в лемковских говорах — аномальными конечными полумягкими согласными (см.: А. В. Исаченко, указ. соч., стр. 53—54). О связи императива и вокатива в нивхском см: R. Austerlitz, Vocatif et impératif en Giliak, «Orbis», VII, 2, 1958, стр. 477—481, в русском — В. М. Живов, Центри периферия в фонологической организации слова, I, «Лингвотипологические исследования», ч. I (в печати).

³⁷ Г. А. Меновщиков, Алеутский язык, «Языки народов СССР», V, Л., 1968, стр. 388.

³⁸ Г. А. Меновщиков, Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. I, М.—Л., 1962, стр. 47; А. П. Дульзон, указ. соч., стр. 54—56; П. Я. Скорик, Грамматика чукотского языка, ч. I, М.—Л., 1961, стр. 306—307; А. В. Исаченко, указ. соч., стр. 51—52; Н. А. Осборн, указ. соч., стр. 115; E. Matteson, Piro (Arawakan) language, «University of California publications in linguistics», 42, 1965, стр. 20.

³⁹ А. Ansgre, указ. соч., стр. 65.

⁴⁰ K. Williamson, Ио. в кн. «Twelve Nigerian languages».

вают аномальное конечное музыкальное ударение⁴¹. В финском аномальное конечное ударение находим в ряде аппеллятивных слов, например *kiitös* «спасибо», *hyvästi* «прощайте». В кабардинском языке вопросительные формы глагола (вопросительное наклонение) могут иметь аномальное конечное ударение на открытом слоге⁴². Аномальные просодические характеристики конца слова в различных аппеллятивных элементах разных языков могут быть сопоставлены с вопросительной интонацией. А. В. Исаченко к аппеллятивным элементам относит и вопрос⁴³, аргументируя это тем, что вопрос, подобно прочим аппеллятивным элементам, требует активной реакции слушающего. В этой связи характерно, что вопросительная интонация в большем числе случаев отличается от нейтральной именно изменением просодических характеристик (интенсивности или высоты голоса) последнего релевантного сегмента. С другой стороны, перечисленные выше аномалии аппеллятивных элементов тоже могут рассматриваться как изменение просодических характеристик последнего релевантного сегмента (слога)⁴⁴. Аналогия с вопросительной интонацией устанавливается при уподоблении слога в слове слову в предложении, что с фонетической точки зрения не кажется неправомерным⁴⁵. Звуковые особенности вопроса (вопросительная интонация) могут быть, с другой стороны, связаны со звуковыми особенностями речи, предназначенной вызвать активную реакцию слушающего, прежде всего, следовательно, с криком и призывом. Эти виды речевой деятельности характеризуются, в частности, изменением интенсивности и высоты голоса. В тех языках, в которых конечные слоги подвержены сильной редукции, это в особенности касается конечных слогов. Любопытно, что в языке пиро, в вокативе которого наблюдается аномальное конечное ударение, и вообще «нарушение закономерностей, относящихся к месту ударения, наблюдается при призывных и восклицательных тоновых моделях, когда ударение сдвигается на последний слог ритмической группы»⁴⁶.

В этой связи было бы любопытно проверить следующую универсалию: **Если в формах императива или вокатива имеются регулярные нарушения тоновой структуры, то имеется и особое перераспределение тонов в вопросах, командах, обращениях.**

4.2.1. Итак, можно констатировать довольно характерную для аппеллятивных элементов тенденцию иметь аномальное ударение на последнем слоге. Однако в ряде языков с аномальным ударением в аппеллятивных элементах это ударение падает не на последний, а на первый слог слова. Этот случай находим в вокативе карачаево-балкарского языка, в императиве и вопросительных местоимениях ногайского языка, в вопросительных местоимениях киргизского, в удмуртском императиве⁴⁷. Все эти языки, однако, имеют одну общую черту — фиксированное конечное ударение (в ядерной модели языка). Таким образом, можно думать, что в данных

⁴¹ Т. А. Бертагаев, указ. соч., стр. 16.

⁴² Б. Балкаров, Язык бесленеевцев, Нальчик, 1959, стр. 51.

⁴³ А. В. Исаченко, указ. соч., стр. 50.

⁴⁴ Отметим, что конечное ударение в императиве и вокативе наблюдается и во многих иных языках, кроме тех, которые представлены в наших примерах, поскольку мы говорим не о конечном ударении вообще, но о конечном аномальном ударении.

⁴⁵ В этом плане характерно, что в иджо (нембе), в котором, как уже говорилось, императив отмечен удвоением последней гласной и конечным низким тоном, «вопросы отмечены конечным низким тоном» (K. Williams, Ijo).

⁴⁶ E. Matteson, указ. соч., стр. 13—14.

⁴⁷ См.: М. А. Хабичев, Карачаево-балкарский язык, «Языки народов СССР», III, М., 1966, стр. 215—216; Н. А. Баскаков, Ногайский язык, там же, стр. 283; Б. М. Юнусалиев, Киргизский язык, там же, стр. 486; В. И. Лыткин, Проблема лексического ударения в финно-угорских языках, AL, XX, 3—4, 1970, стр. 254.

случаях тенденция, обуславливающая конечное ударение в апеллятивных элементах, всгущает в конфликт с тенденцией периферии организовываться как иная, «зеркальная» по отношению к центру система. Естественно при этом, что ударение падает на первый (а не на предпоследний или еще какой-либо) слог, так как, видимо, именно первый слог ощущается как «зеркальная» противоположность последнему. Было бы интересно подвергнуть проверке следующее утверждение: Если в апеллятивных элементах языка имеется аномалия ударения, то если язык не обладает фиксированным конечным ударением, это аномальное ударение падает на последний слог соответствующих слов, если же в языке фиксированное ударение на последнем слоге, то аномальное ударение падает на первый слог соответствующих слов.

4.3. В некоторых специфических случаях периферийные средства того или иного языка приобретают более общее значение, распространяясь на всю речь в целом. Примером может служить, наряду с экспрессивной речью, и поэтический язык. Точно так же глоссоалалические речения (говорение на «иных языках»), производимые сектантами-мистиками в экстатическом состоянии, представляют собой результат экспансии периферийных (для соответствующего языка) средств выражения на всю речевую деятельность в целом. Иначе говоря, можно считать, что в нормальном языке заложено некое представление об «иностранном» языке, основывающееся на периферийных средствах выражения, реализующихся прежде всего в заимствованиях и междометиях. Естественно, что при порождении глоссоалалического текста, осмысливаемого как текст на иностранном языке, соответствующие средства выражения приобретают доминирующую роль.

Наконец, аналогичный принцип ложится на основу арготической речи. В литературе уже отмечалась связь звуковой специфики арго с междометиями⁴⁸. Характерно, что для многих арго вообще не существует понятия заимствования, поскольку криптоалалическая функция арго делает для него нормальным использование иностранной лексики.

5. Характеризуя самым общим образом противопоставленность периферии центру, можно сказать, что если центр стремится к экономии (с точки зрения разных участников коммуникативного процесса), то в периферии видим противоположную тенденцию к усложнению. Мы наблюдаем эту тенденцию как в речи, так и в языке.

Так, тенденция к усложнению характеризует прежде всего эмфатическую речь. Эмфаза в большом числе случаев может рассматриваться (в плане выражения) как усложнение (затруднение) артикуляции. Звуковые изменения, происходящие в эмфатической речи, во многих случаях могут быть описаны вообще как замена немаркированных звуков маркированными, например замена кратких гласных и согласных долгими в языке кикуйю или нефарингализованных гласных фарингализованными в одном из бушменских языков⁴⁹.

Эту же тенденцию мы можем наблюдать в периферийных элементах языка. Мы легко замечаем, что периферия в большей степени, чем центр, использует маркированные члены оппозиций. Так, в ономатопоэтических образованиях на *-ot* в верхнелужицком в конце слога согласные высокой тональности практически не встречаются⁵⁰. Если последо-

⁴⁸ См., например: Д. С. Лихачев, Черты первобытного примитивизма воровской речи, «Язык и мышление», 3—4, М.—Л., 1935, стр. 81—83.

⁴⁹ Л. Е. Агмстронг, указ. соч., стр. 290—291; L. F. Maingard, Three Bushman languages, «African studies», 17, 2, 1958, стр. 102.

⁵⁰ С. М. Толстая, Фонетические наблюдения над ономатопоэтическими образованиями с суффиксом *-ot* в верхнелужицком языке, «Исследования по славянскому языкознанию», М., 1971, стр. 276.

вательность *CV* («согласный плюс гласный») признать немаркированной по отношению к *CC* и *VV*, то оказывается, что в периферийных классах маркированные члены встречаются в значительно большем числе, чем в центре. Равным образом, если рассматривать закрытый слог как маркированный по отношению к открытому, мы найдем именно маркированные члены в идеофонах ряда языков, в которых в элементах центра закрытые слоги не встречаются.

В связи с этим можно предложить еще одну универсалию: Если при переходе слова из непериферийного в периферийный класс оно фонетически переоформляется, то получающаяся фонетическая форма не менее маркирована, чем исходная. Примером может служить так называемая экспрессивная назализация и палатализация (ср. чеш. *dundat* из *dudat*, *chlamstat* из *chlastat*, франц. *gnarguer* из *narguer*)⁵¹, экспрессивная геминация и аспирация согласных⁵². В связь с этим может быть поставлено оформление заимствований при помощи эмфатических согласных (при возможности использовать соответствующие немаркированные) в арабском⁵³.

В заключение нам представляется уместным отметить, что настоящая работа должна восприниматься как постановка проблемы, а не как попытка ее решения. Для решения возникающих в этой области вопросов необходим прежде всего достаточно обширный и последовательно описанный материал — доступные же в настоящее время сведения носят окказиональный характер. Одной из наших задач было в этой связи показать, что хаотичность и непоследовательность периферии языка значительно преувеличены, что в ней можно предполагать существование определенных закономерностей. Последовательное описание периферии, таким образом, вполне возможно, и именно от этой первичной задачи зависят прежде всего дальнейшие исследования в данной области.

⁵¹ V. M a s h e k, Studie o tvoření výrazů expresivních, Praha, 1930, стр. 10—59. J. M. K o ř i n e k, указ. соч., стр. 56—57.

⁵² V. M a s h e k, указ. соч.

⁵³ R. J a k o b s o n, Mufaxxama. The «emphatic» phonemes in Arabic, в его кн.: «Selected writings», I, 's-Gravenhage, 1962.